

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ НАПОЛЕОНА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1812 Г.

Посмотрите любую популярную книгу о войне 1812 г., и вам почти наверняка попадет фраза якобы произнесенная Наполеоном накануне: «Через пять лет я буду господином мира, останется только Россия, но я раздавлю и ее». Это, так сказать, из теории общего политического планирования. Что же касается конкретных стратегических замыслов, то они нередко характеризуются другим, почти столь же глубокомысленным выражением: «Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги; если я захвачу Петербург, я возьму Россию за голову; если я займу Москву, я поражу Россию в самое сердце».

Конечно, эти фразы карикатурны. Так, первая почерпнута из мемуаров аббата де Прадта, написанных и опубликованных сразу после падения Наполеона, в тот момент, когда к власти пришли его непримиримые враги в лице Бурбонов. Что же касается самого автора – он был послом в Варшаве в 1812 г. и зарекомендовал себя на этом посту так, что получил гневный нагоняй от императора. Реставрация Бурбонов дала возможность неудачливому дипломату свести счеты со своим бывшим начальником в желчной книжке, в которой он вдобавок старался выслужиться перед новыми властями.

О том, насколько его опус полезен для изучения истории, свидетельствует фраза, которая красуется на первой странице: «Император был замечен в том, что в момент своих самых печальных и мрачных мыслей изрек памятные слова: “Если бы не один человек, я был бы уже властелином мира...” – Этот человек – это я, – скромно добавил автор и продолжил, – Так что можно сказать, что я спас мир и с этим титулом я могу навсегда надеяться на его признательность и блага»¹.

Если можно поверить, что самый бестолковый из всех дипломатов наполеоновской эпохи спас Россию, то тогда придется принять и дру-

гие гипотезы, высказанные в мемуарах самовлюблённого аббата. В них в частности присутствует мысль, которая станет характерной для всех последующих произведений, изображающих Наполеона как психически неуравновешенного человека, одержимого целью властвовать над миром. Прадт писал: «Император, едва родившись, едва поднявшись на трон, сгорал от желания захватить весь мир»².

Исследования автора настоящей статьи доказывают на основании многочисленных документов, что политика Наполеона, несмотря на наличие агрессивных черт, строилась на реалистичных началах. Ни в каких официальных и неофициальных письмах французского императора, в его реально отданных распоряжениях и отдаленно, даже самыми туманными намеками, нет речи о покорении мира. Да, без сомнения, успешные войны увеличивали амбиции императора, но до 1810 г. он стремился к вполне осуществимой задаче: в союзе с Россией победить морскую деспотию Англии, открыть возможность для свободной торговли всех стран и установить прочный мир, опираясь на русско-французский союз, ради которого он был готов идти на многие жертвы.

Несмотря на то, что две войны (1805 и 1806–1807 гг.), были развязаны, как показывают источники, исключительно по инициативе Александра I, император французов возлагал огромные надежды на Тильзитский мир, заключённый после поражения русских под Фридрихсвандом. Однако все усилия добиться от царя следовать на международной арене тильзитским соглашениям оказались безуспешными. Тогда Наполеон попытался спасти русско-французский союз женитьбой на сестре царя, великой княжне Анне Павловне. Но после неудачного сватовства, французский император понял бесплодность своих попыток выстроить отношения с Александром. С другой стороны, он нашёл, как ему казалось, положительный отклик в Австрии. В результате Наполеон постепенно приходит к идее, которую можно было бы охарактеризовать как создание объединенной под его властью Европы – федеративной империи, в которой должны были сохраниться династии, находившиеся у власти, национальные традиции, но которая была бы объединена едиными внешнеполитическими целями, близостью законодательных систем, денежной системой, сетью дорог и каналов, единой системой мер и весов и т.д.

В этой империи не было места для России. Своей непримиримой враждой Александр перевернул концепцию наполеоновской политики: вместо стремления согласовать усилия двух великих государств, которые в союзе и дружбе могли бы управлять Европой, Наполеон пришел

к концепции некой новой великой Римской империи, по отношению к которой Россия была чужаком, и к тому же небезопасным. Впрочем изменение позиции на международной арене не означало стремление развязать войну против России, но без сомнения предполагало возможность в принципе такой войны.

В этой обстановке начиная с февраля 1811 г. русские войска начали концентрацию на границе с герцогством Варшавским, о чём немедленно был извещён Наполеон. Особую тревогу у французского императора вызвало то, что из девяти дивизий, сражавшихся против турок, пять дивизий было снято с мест расквартирования (на территории современной Румынии) и направлено к западным границам Российской империи. Известно, что в ходе кампании 1810 г. на Дунае турецким войскам было нанесено серьёзное поражение и оставалось сделать только последнее усилие, чтобы довести до победного для России конца. Удаление с турецкого «фронта» большей части войск не могло не привести к полному срыву русского наступления. Подобная переброска войск была возможна только в случае подготовки немедленного вторжения в герцогство, как мера предосторожности была бы полным абсурдом.

Сосредоточение русских войск на границе стало тем детонатором, который привел в действие огромный механизм, колеса которого неумолимо закрутились. Теперь война приближалась к границам российского государства. Но все-таки, что реально планировал Наполеон? Какие политические цели ставил он в предстоящей войне, и какой была его стратегическая концепция? Неужели все-таки собирался дойти до Москвы?

Как ни странно, разбирая этот вопрос, горячие сторонники Наполеона утверждают почти то же самое, что и особо рьяные русские патриоты, а именно: Наполеон с самого начала только и мечтал, что начать войну с Россией. Только первые заявляют, что делал это он для защиты европейской цивилизации от русских варваров, а вторые – что он собирался покорить русский народ, обратить его в другую веру, навязать ему чуждые институты. Вторую из указанных точек зрения можно найти чуть ли не в каждой второй популярной книге о войне 1812 года, изданной в России. Первая же сформулирована наиболее четко в работах Эдуарда Дрио, для которого война 1812 г. была некоей сублимированной «высшей войной» за европейскую цивилизацию.

Вполне понятно, что при таком понимании задач Наполеона вполне естественно воображать, что император ставил своей целью поход на

Москву. Дабы в древней русской столице разрушить навсегда и посягнуть Святую Русь. Об этом, как нам очень точно сообщает де Прадт, он мечтал с самого рождения. Кроме «выдающегося» произведения аббата, существует еще одна работа, из которой все позднейшие историки черпали «неоценимые» свидетельства подготовки похода напрямик на Москву. Это мемуары Абея-Франсуа Вильмена. Если верить этим воспоминаниям, Наполеон заявлял без обиняков весной 1812 г.: «Я захвачу Москву, я отброшу его (*Александра*) в Азию... Варварские народы суеверны и у них примитивные идеи. Страшный удар в сердце империи, по Великой Москве, по Святой Москве, отдаст мне в руки эту тупую и слепую массу». Далее, как и полагается, поход на Индию и завоевание мира: «Этот длинный путь – путь в Индию. Александр Великий отправился в свой поход также далеко, как если бы он пошел из Москвы чтобы достигнуть Ганга... Предположите теперь, что Москва взята, Россия сокрушена, царь вынужден склониться или погиб в каком-нибудь дворцовом заговоре... Скажите мне, разве для великой армии французов с их союзниками не возможно, выйдя из Тифлиса, достигнуть Ганга? Его достаточно будет коснуться французской шпагой, чтобы в Индии рухнуло все это нагромождение меркантильного величия (*Англии*). Это будет гигантская экспедиция, я согласен, но вполне выполнимая в XIX веке. Этим ударом будет завоёвана независимость западной Европы и свобода морей»³.

На основе этих фраз можно вообразить, что Вильмен был ближайшим соратником Наполеона, которому тот доверял все свои мысли и проекты. Увы, Вильмен был юным секретарем генерал-адъютанта графа де Нарбонна. Как утверждает секретарь, Нарбонн точно пересказывал ему речи императора. Разумеется, юноша всё великолепно запомнил и через 40 лет (!!) уже пожилым человеком безошибочно воспроизвел в своих мемуарах....

Для того, чтобы проанализировать текст Вильмена, начнем с того, что послушаем, что же по его словам Нарбонн говорил в ответ на безумные речи Наполеона. А генерал-адъютант знал естественно все, что произойдет и, почти что, падая перед императором на колени, восклицал: «Я умоляю Вас от имени всех, не ведите вглубь России судьбу Франции!!... В этот раз придется сражаться с бесконечной дорогой через полупустынную страну или намеренно разоренную. Это будет война со скифами... едва Вы перейдете Неман, как Вы окажетесь в другом мире... Вокруг победоносной армии, за ее огненным маршем все будет враждебно, все наполнено варварством... Вы узнали русских в Италии, Пруссии и Герма-

нии и повсюду их били. Но Вы не знаете, что они могут сделать в глубине России, вооруженные своим климатом, своим варварством и своим фанатичным отчаянием»⁴.

Конечно же, столь ясное предвидение будущего вряд ли было связано с экстрасенсорными способностями Нарбонна. Зато очень легко быть прозорливым, когда произведение пишется много лет спустя событий. Интересно, что в мемуарах Вильмена сплошь и рядом встречаются почти что цитаты из литературы, написанной в тридцатые-сороковые годы XIX века о русском походе. Мемуары Вильмена на самом деле не столько воспоминания, сколько некие размышления на тему наполеоновской истории, где подлинные воспоминания автора причудливо переплетаются с фантазиями и кусками из исторических произведений. Совершенно невообразимо, чтобы генерал Нарбонн только тем и занимался, что пересказывал свои беседы с Наполеоном секретарю, а тот их точно и без искажений изложил много лет спустя!

Не следует забывать еще один очень важный фактор. Мемуары Вильмена появились в тот момент, когда в Европе только что вспыхнул конфликт, известный под названием Крымская война. Вся либеральная интеллигенция Европы ополчилась против николаевской России. О Крымской войне некоторые авторы говорят, что она была первой современной войной, где большую роль играли новые технические средства: паровые двигатели, телеграф, дальнобойное нарезное оружие. Осаде Севастополя был посвящен первый в истории военный фоторепортаж. Одновременно родилась и информационная война, которая в начале XIX века находилась лишь в эмбриональном состоянии. Мемуары Вильмена являются частью этой информационной войны, в задачу которой входило изобразить Россию как опасную агрессивную варварскую державу, угрожающую европейским свободам. Достаточно обратить внимание на слова Наполеона, в которых он якобы говорит о том, что результатом русского похода будет «независимость (!!) западной Европы». Совершенно абсурдная фраза для эпохи Наполеона I.

Как известно, Нарбонн был послан с дипломатической миссией в штаб Александра и, прибыв 28 мая в Дрезден, где тогда находился Наполеон, генерал доложил, о беседе с царём.

Почти во всех исторических сочинениях на эту тему можно найти ответ, который якобы дал Александр посланцу Наполеона: «У меня нет иллюзий, я знаю, насколько император Наполеон является великим полководцем, – и развернув карту Российской империи, воскликнул, ука-

зывая на нее: Но смотрите, за меня и пространство и время! Нет такого удаленного уголка территории, который не будет враждебен вам, куда я не смог бы отступить. Нет такого удаленного места, в котором я не мог бы защищаться, прежде чем согласиться на позорный мир. Я не нападу, но я не сложу оружие до тех пор, пока останется хоть один вражеский солдат на территории России»⁵.

В другом варианте Александр развернул карту России «и указав на самую отдаленную окраину своей империи, которая... примыкает к Берингову проливу, добавил: “Если император Наполеон решился на войну, и если счастье не будет благоприятствовать правому делу, ему придется идти за миром до сих мест”»⁶.

Более того, Александр раскрыл Нарбонну и детали своего плана, заявив, что он «.. будет стараться избегать битвы против слишком сильного противника, и сумеет решиться на все жертвы, чтобы затянуть войну и ослабить силы Наполеона»⁷.

Если мы скажем, что первая цитата принадлежит перу уже хорошо знакомого нам Вильмена, а третья – не менее известного творца мифов графа де Сегюра, легко можно понять, откуда берутся легенды.

Ведь согласно общепринятому мнению, Нарбонн и все остальные пытались удержать Наполеона от авантюрного похода. Все, конечно, знали, что Великая Армия дойдёт до самой Москвы, никто не сомневался, что русские собираются отступать, что будут разорять свою территорию, сожгут древнюю столицу, а потом в пустынных морозных равнинах казаки и партизаны довершат разгром французских войск. Этого не знал только дурачок Наполеон. Все же те, кто потом будет писать мемуары, знали, чем закончится это предприятие, и если не пытались его предотвратить по причине своего невысокого ранга, то уж, по меньшей мере, терзались в муках, охваченные предчувствием страшной катастрофы...

Хотя не известен письменный рапорт Нарбонна императору, зато в российском военно-историческом архиве существует подробный отчёт, который генерал-адъютант направил 24 мая 1812 г. маршалу Даву из Варшавы по пути в Дрезден.

Рапорт Нарбонна не имеет ничего общего с тем, что позже будут писать в мемуарах! Вот, что действительно докладывал генерал-адъютант императора, не в изложении его секретаря через сорок лет, а именно тогда, накануне войны:

«Я имею честь действительно подтвердить Вам, что мне сообщили, что русские наводят мост (*через Неман*) в Олите, но я ничего не слышал о мостах в Мерече и Ковно...

Русская армия не перейдет Неман ни в Гродно, ни в Тильзите, ни в другом месте. Мы не настолько счастливы, чтобы они на это решились...

Я считаю, что они ждут и что они собираются принять битву на тех позициях, которые они сейчас занимают, прежде чем они отойдут к Двине.

В их действиях прослеживается крайняя неуверенность, естественное следствие того, что они находятся в полном незнании планов императора (*Наполеона*)...

Я думаю, что можно было бы добиться результата от переговоров, если бы в теперешнем положении мы могли бы их вести. Они согласились бы на всё, исключая тот пункт*, которому придаёт такое внимание император (*Наполеон*)...

Судя по всему, он готов проиграть две или три битвы, и напускает на себя вид, что готов сражаться, если придется, хоть в Татарии. Что совсем не очевидно»⁸.

Как видно из текста рапорта, Нарбонн даже и отдалённо не пугает войной на Камчатке. Да, он действительно считал, что русские войска не перейдут в наступление, но и только. Зато уже в первых строках генерал-адъютант указывает, что «русские наводят мост в Олите». Ясно, что мост через Неман мог сооружаться только в случае необходимости какого-то пусть частного, но всё же удара, движения вперёд. Впрочем, это особенно не важно. Самая главная фраза Нарбонна, о том, что русские «собираются принять битву на тех позициях, которые они сейчас занимают». Правда, Нарбонн добавлял «прежде чем они отойдут к Двине». Последнее совершенно не пугало императора французов, который собирался нанести такой удар, после которого отступать к Двине было бы уже особенно некому.

Наконец генерал-адъютант не только указывал, что Александр лишь напускает вид, что собирается отступать вплоть до «Татарии», но и высказывал сомнения насчёт твёрдости подобного решения.

В действиях русского командования Нарбонн усмотрел неуверенность, а вовсе не решимость заманивать французов вглубь России, о чем даже выдающийся историк Вандаль, попавшись на кривое зеркало мемуаров, написал, что царь говорил об этом «серьезно, определенно, с крот-

кой гордостью». Наконец в рапорте подчёркивается, что в случае переговоров царь мог бы «согласиться на всё»!

Если Нарбонн в таком духе писал маршалу Даву, который не был его начальником, то можно себе представить, как опытный царедворец построил свой доклад императору, зная, что тот был уверен в том, что Александр примет сражение на границе и на этом строил весь свой план действий! Мы не знаем, конечно, этих выражений, но мы можем представить, что было сказано не только из рапорта адресованного Даву.

Приведённый документ, ставит такой жирный крест на сказках написанных Вильменом, что их можно цитировать исключительно как яркий пример полного искажения реальности.

Добавим также, что в окружении Наполеона в этот момент было много представителей старой французской аристократии. Подобно Нарбонну, камергер и посол в Неаполе д'Обюсон де ла Фейяд, происходил из древнейшей аристократической семьи Франции. В январе 1812 г. в связи с тем, что подготовка к войне с Россией к этому моменту стала секретом Полишинеля, он подал императору «Заметку о политической ситуации Франции в январе 1812 г.» В этом пространным документе говорится о возможной войне с Россией. Автор не только не трепещет и не кидается на колени перед императором, умоляя «не вести вглубь России судьбу Франции», а напротив, пишет совершенно уверенно следующую фразу: «освобождение крестьян (*российских*) расположит на нашу сторону не только литовцев, не только народ Курляндии и Ливонии, но и самих русских земель, гарантией этого является пример пугачевского восстания. Исходя из этих соображений и учитывая огромное превосходство в силах, можно не сомневаться, что предстоящая война будет просто военной прогулкой (!)»⁹.

Как все это отличается от жутких пророчеств, написанных задним числом!

Впрочем, ни якобы мольбы Нарбонна, ни действительно существовавшие шапкозакидательские прожекты д'Обюсона не повлияли на составление стратегических планов... Каковы же они были в действительности? Мы не можем заглянуть в мысли Наполеона, зато на основании многочисленных распоряжений, приказов, подписанных им накануне войны, мы можем узнать его реальные цели. Если мы внимательно остановились на мемуарах Вильмена, то лишь для того, чтобы показать, насколько опасно делать заключения на основе позднейших воспоминаний, которые сплошь и рядом искажают реальность. К сожалению, в большинстве

исторических трудов, будь то русских или французских, именно из болтовни подобной той, что приводит бывший секретарь, делаются далеко идущие выводы и заключения.

В воспоминаниях Вильмена Наполеон с каким-то маниакальным упорством повторяет слово «Москва». Почему император так упрямо говорит об этом губернском городе? Напомним, что в 1812 г. Москва не была столицей России уже ровно сто лет, и если бы Наполеон задумывал свою кампанию, как войну на завоевание совершенно ненужных ему пространств, он, наверно, хотя бы иногда упоминал в своих рассуждениях название и другого города – столицы Российской империи Санкт-Петербурга. Здесь, между прочим, находились резиденция Российского императора, генеральный штаб, военное министерство, весь государственный аппарат империи, здесь располагались штабы всех гвардейских полков и, наконец, здесь проживала вся придворная аристократия, все те, кто реально управляли судьбами России.

Но ни в одном приказе Наполеона, где говорится о подготовке войны с Россией, не упоминается в качестве стратегической цели не только Москва, но даже и Петербург! Зато очень часто можно найти такие географические названия как Варшава, Торн, Мариенбург, Мариенвердер, Пултуск, Эльбинг, Модлин, Плоцк, Познань, Данциг... и только в июне 1812 года к этим названиям добавляются Вильно и Ковно.

Что это все значит? А значит это то, что исходя из многочисленных рапортов, которые Наполеон получал в 1810 – начале 1812 г. у него не оставалось сомнений в том, что русская армия готовит нападение. Таким образом, если он не двинет войска к русским границам, то герцогство Варшавское будет растоптано, уничтожено, сожжено, а далее русские поднимут восстание в Пруссии и двинутся на него с еще большими силами.

С другой стороны, он был уверен, что едва только начнется выдвижение французских и союзных полков в сторону Польши, как русское командование, получив об этом известие, немедленно предпримет наступление, ворвется в герцогство Варшавское, а далее – см. предыдущий вариант. Поэтому главной целью император видел скорейшую переброску армии на рубеж Вислы. Только здесь он мог быть уверен, то даже в случае бурного наступления русских войск, последние должны были бы упереться в широкий водный рубеж, а у французов было бы достаточно времени, чтобы принять контрмеры.

Конечно, никакого плана войны, подробно изложенного на бумаге, Наполеон не оставил. Ему не требовалось это делать, потому что он был

хозяйном ситуации и знал, что любые планы на войне неминуемо многократно должны корректироваться и изменяться. Даже план знаменитого Ульмского маневра 1805 г., даже план Аустерлицкой битвы, в которых как наивно считают некоторые историки, все было просчитано и продумано до малейших деталей с самого начала, на самом деле постоянно изменялись в соответствии с изменением обстановки. При этом общая идея сохранялась. Но если зафиксированного на бумаге плана не было, то в руках исследователя существуют приказы начальнику штаба и маршалам – командирам корпусов, с помощью которых, как с помощью фрагментов мозаики можно составить общую картину стратегического замысла Наполеона.

Первая цель французского полководца, которая видна из настоящих документов той эпохи – занять рубеж по западному берегу Вислы. Этот рубеж должен был быть обеспечен крепостями и предместными укреплениями, прежде всего огромной Данцигской крепостью, которая обеспечивала левый (северный) фланг стратегического развертывания французской армии. Именно там император собирался действовать активно. В своем письме вюртембергскому королю еще от 2 апреля 1811 г. Наполеон пишет: «Сохраним ли мы мир? Я надеюсь, что да, но необходимо вооружаться, и сделать надежным Данциг, который является ключом ко всему»¹⁰. Последняя фраза совершенно немыслима в том случае, если бы Наполеон готовил поход вглубь России.

Одновременно французский полководец старался обеспечить всю линию Вислы надежными укреплениями. Целый ряд писем конца 1811 – начала 1812 г. посвящен крепостям Модлин и Торн, а также предместным укреплениям на Висле: Мариенбургу, Мариенвердеру и Праге. Особенно мощные укрепления сооружались вокруг Модлина, который должен был стать вместе с Данцигом мощнейшим опорным пунктом на Висле. Начало большому строительству было положено в 1807 г., а первый план крепости был начертан выдающимся французским военным инженером генералом Шасслу-Люба. В конце 1811 – начале 1812 г. здесь непрерывно работало на строительстве укреплений до 12 тысяч крестьян. В архиве исторической службы сухопутных сил Франции можно найти подробные отчеты о грандиозных работах в Модлине, а также в Торне. В эти крепости подвозились огромные запасы продовольствия, пороха и разнообразных военных припасов. 26 марта император отдает указание послать «триста миллье** пороха в Данциг, сто миллье в Торн и двести миллье в Модлин. Вся транспортировка пороха должна быть совершена без задер-

жек». Император предписывал также, чтобы «Замостье было снабжено всем необходимым, т.к. эта крепость, возможно, будет осаждена неприятелем в первую очередь»¹¹.

Император полагал, что мощные укрепления Модлина, Торна и Праги остановят русское наступление на рубеже Вислы в том случае, если оно начнется до приближения французской армии. Это позволит сконцентрировать войска на Висле и не дать уничтожить герцогство даже в случае, если французские войска будут немного не успевать выйти вовремя на линию реки. Именно эта опасность быть предупрежденным стремительным русским наступлением была причиной того, что полки будут выступать в январе-феврале 1812 г. из мест своей постоянно дислокации в величайшем секрете. Наполеон прекрасно понимал, что многочисленные русские агенты, а также дипломатические представительства, которые находятся в крупных городах Германии, без сомнения сообщат о продвижении французских колонн через Мюнхен, Дрезден, Берлин и т.д.

Именно поэтому 10 марта 1812 г. Наполеон пишет сердитое письмо своему начальнику штаба, в котором говорится: «Выразите мое недовольство герцогу д'Абрантес (*генералу Жюно*) за то, что он приехал в Мюнхен раньше своих войск, вследствие чего мое движение станет известным на два дня раньше, ибо русский курьер, который уехал бы 2 марта, отправился наверняка 29 февраля»¹². Таким образом, Наполеон вовсе не пытался незамеченным «подкрасться» к России и напасть на нее врасплох. Он не сомневался, что уже в Мюнхене русский военный атташе подробно доложит о движениях французских колонн, но он хотел, чтобы это произошло как можно позже, чтобы успеть дойти до Вислы до начала русского наступления.

В своем письме от 3 марта 1812 г. начальнику штаба маршалу Бертье, Наполеон указывает на самую важную, по его мнению, задачу: «Моим главным желанием является не допустить разорения герцогства в случае, если русские начнут войну. Князь Экмюльский (*Даву*) должен будет тогда поспешно двинуться, чтобы защитить территорию (*польскую*)»¹³.

16 марта император пишет Бертье несколько писем, где он очень подробно излагает тот план, который существовал у него на это время: «Передайте князю Экмюльскому (*маршалу Даву*), что я послал ему распоряжения исходя из варианта при котором русские не перейдут границу и не начнут вторжение. В этом случае все, что я ему приказал надо исполнить буквально. Главное, чтобы войска отдохнули, были хорошо накормлены, чтобы на Висле были построены мосты и были в порядке

предмостные укрепления. Таким образом с ее рубежа можно было начать активную фазу кампании в случае, если боевые действия откроются. Но если русские начнут войну, вступив в Пруссию и в герцогство Варшавское... первый корпус выдвинется на рубеж реки Алле и будет угрожать флангу армии (*русской*), наступающей на Варшаву через Гродно»¹⁴.

В другом письме от 16 марта маршалу Бертье Наполеон указывает: «Таким образом, если русские не начнут наступление, которое вынудит князя Экмюльского изменить свою диспозицию, генеральная квартира будет в Торне... Посоветуйте ему (*Даву*) послать адъютанта к князю Понятовскому, чтобы предупредить, что войска готовы двигаться в случае необходимости на помощь Варшаве и поддержать войска герцогства... Князь Экмюльский ускорит тогда марш своего корпуса в том случае, если русские начнут вторжение и будут угрожать Варшаве. Впрочем, я не думаю, что это произойдет (*сейчас*)»¹⁵.

Буквально через несколько дней Наполеон снова пишет начальнику штаба: «Если в случае движения князя Экмюльского на Вислу русские объявят нам войну и вторгнутся в герцогство... он (*Удино, командир 2-го корпуса*) двинется на Штеттин и оттуда на Вислу, чтобы поддержать князя Экмюльского»¹⁶. И тут же в другом письме император снова указывает: «Если вследствие движения князя Экмюльского на Торн, саксонцев и вестфальцев на Варшаву, баварцев на Познань, русские войска перейдут границу герцогства или Пруссии, нужно, чтобы он (*3-й корпус Великой армии под командованием Нея*) мог двинуться тотчас же, чтобы пройдя через Познань быстро выдвинуться к Торну»¹⁷.

Таким образом, первую часть плана Наполеон видел прежде всего в развертывании своих войск на линии Вислы. В случае наступления русских, передовые части должны были встретить противника на хорошо укрепленном рубеже, а дальше разгромить с подходом всех сил Великой Армии. В случае, если русского наступления не произойдет, император сам предполагал двинуться навстречу русской армии и разбить ее в пограничном сражении. Согласно всей информации, которую он получал, он несколько не сомневался, что войска Александра если и не двинутся вперед, то будут ждать его в полной боевой готовности и тотчас же дадут генеральное сражение, как это было под Аустерлицем и Фридландом.

Напомним, что собственно решающая часть Аустерлицкой кампании началась 27 ноября 1805 г. наступлением русской армии. На шестой день, 2 декабря, произошла битва при Аустерлице, а менее чем через двое суток было заключено перемирие. Прессбургский мир был подписан через три

недели. Летняя кампания 1807 г. началась 5 июня, опять таки наступлением русских, через 9 дней произошла решающая битва под Фридландом, а еще через четыре дня во французский лагерь прибыл первый русский парламентар, а Тильзитский мир и союз были подписаны опять же через три недели. Вероятно, примерно такой же график Наполеон предполагал и для кампании 1812 года.

Как известно, несмотря на все рассуждения русских генералов о наступлении, армия Александра не перешла рубежей Российской империи, но военная машина империи Наполеона была запущена в дело, и не могла остановиться. Из Италии и Испании, с берегов Северного моря и Адриатики шли сотни тысяч солдат, катились пушки, поднимали пыль на дороге тысячи лошадиных копыт. Обратного пути не было... Император отныне видел целью кампании короткий стремительный удар по русским войскам, сосредоточенным на границе, их разгром и заключение победоносного выгодного мира. В письме маршалу Даву император указывал, что кампания, очевидно, продлится около 20 дней.

К началу июня 1812 г. император уже почти не сомневался, что он первый форсирует Неман, но даже в это время, он продолжал опасаться наступления русских. В письмах от 26 мая и 5 июня своему брату Жерому он говорил: «Я поручаю вам защиту мостов в Пултуске и Сироцке, на Нареве и Буге, потому что в моем выдвижении я дам неприятелю возможность наступать до Варшавы...»¹⁸.

Еще яснее Наполеон высказался в следующем письме, где он рекомендовал брату, чтобы тот постарался: «...заставить всех предполагать, что вы будете двигаться на Вольнь и приковать внимание противника как можно дольше к этой провинции. В это время я обойду его правый фланг... перейду Неман и займу Вильну, которая будет первой целью кампании... Когда этот маневр будет замечен неприятелем, он будет либо соединяться и отступать (*к Вильне*), чтобы дать нам битву, либо сам начнет наступление... Во втором случае, когда... враг будет под стенами Праги (*предместье Варшавы*) и на берегах Вислы, ...я охвачу его,... и вся его армия будет сброшена в Вислу...»¹⁹.

Наконец, даже 10 июня в письме, адресованном Бертье, император выражает мысль о том, что русские возможно вторгнутся на территорию герцогства Варшавского с целью овладеть его столицей. Иначе говоря, всего за несколько дней до начала войны французский полководец исходил из того, что русские войска начнут таки вторжение в герцогство!

Французская «разведка» и отдалённо не походила на современные службы подобного профиля. Все сведения, которые получал Наполеон, были лишь сообщениями информаторов, которые могли слушать то, о чем говорили русские офицеры и генералы, но им и отдаленно не удавалось проникнуть в тайные совещания на высшем уровне, а уже тем более знать то, о чем говорит со своим военным министром император Александр. Зато болтовню подвыпивших офицеров наполеоновские агенты слушали и записывали. Известно, что в русской армии все только и говорили, что о наступлении. Как совершенно верно отмечал генерал М. Богданович в «Истории Отечественной войны 1812 года», написанной в пятидесятые годы XIX века: «Перед открытием войны 1812 года, войска наши и весь народ русский уверены были, что мы будем действовать наступательно. Мысль о допущении неприятеля в пределы русского царства не могла найти места в понятиях нашего народа...»²⁰.

Ясно, что сторонники отступления, если таковые и были вообще, говорили либо тихо, либо вообще помалкивали. Зато сторонники наступления, люди, подобные Багратиону, говорили открыто и громко. Можно себе представить, что мог услышать какой-нибудь польский помещик, пригласивший к себе в усадьбу на ужин группу русских офицеров! Можно не сомневаться, что после нескольких бокалов, других слов о будущей войне, кроме как марш на Варшаву и вступление в Париж едва ли можно было услышать. Именно эти разговоры и передавались Понятовскому, а тот в свою очередь сообщал их Раппу и Даву. Поэтому ни о каких проектах, связанных с отступлением Наполеон не получал никакой информации.

Можно только удивляться тому, что император вообще не имел представления о существовании Дрисского лагеря, а значит, и о «планах Фуля»! О том, что такой лагерь вообще есть на свете, Наполеон узнал только тогда, когда его кавалерия, преследуя отступающие русские войска, оказалась чуть ли не нос к носу с редутами на берегах Двины! Поэтому не стоит удивляться тому, что Наполеон совершенно не принимал в расчет возможность отступления русской армии даже на столь короткое расстояние.

Кстати, император имел информацию о проектах совместных русско-шведских наступательных операций и знал о русских планах наступления на юге. Все это так походило на план кампании 1805 года! То же самое наступление в центре, те же самые отвлекающие удары в северной Германии и Италии. Обратим внимание к тому же, что в ходе двух войн

с Россией 1805 и 1807 г., если исключить, конечно, эпизод отступления маленькой армии Кутузова вдоль по долине Дуная, русская армия действовала по одному алгоритму – наступление.

В двух предыдущих случаях из трех (Аустерлиц, Фридланд) своим мощным контрударом Наполеон добивался блистательной победы. В одном из трех случаев (Эйлау) он в ходе битвы с трудом только сдвинул с места русскую армию, как известно, потому что у него было явно недостаточно войск. Ну что ж, теперь он решил сделать так, чтобы никаких сомнений в его превосходстве численном и материальном не оставалось. Русская армия должна была быть буквально прихлопнута ударом могучей кувалды. Для этого Наполеон сосредоточил невиданные еще силы.

Предстоящую кампанию французский полководец видел как грандиозный контрудар по наступающим русским войскам, или разгром неподвижной армии неприятеля на границе. Причем второй вариант появился, чуть ли не в последние дни перед началом войны, когда император с некоторым удивлением увидел, что русская армия не идет ему на встречу.

По первоначальной идее Наполеона так называемый «поход на Москву» должен был найти свое завершение где-то под Варшавой. Когда же русская армия осталась неподвижной, было решено перенести боевые операции за Неман. Но даже в этом случае император совершенно не сомневался, что его поход будет направлен не в енисейскую тайгу, а будет развиваться на территории западных провинций Российской империи, т.е. на территории все той же Речи Посполитой, аннексированной Россией лишь семнадцать лет тому назад. В письме Евгению Богарне, командующему французскими войсками в Италии, Наполеон писал накануне начала выдвижения войск к границе: «Война в Польше – это вовсе не война в Австрии. Без хороших транспортных средств тут не обойтись»²¹. Обратим внимание, что император пишет своему приемному сыну не о перспективе похода на Камчатку, а о войне именно на польской территории.

Отметим, что и в Литве и на территории Белоруссии и шляхта и крестьяне и горожане ждали появления Наполеона как освободителя. Без сомнения, на территории бывшего Великого княжества литовского не было такого же единодушия в пронаполеоновских настроениях как на территории прусской Польши, где французов встречали 1806-1807 гг. с иступленным ликованием. Александру I удалось привлечь к себе часть литовских элит, тем более что некоторые помещики побаивались освобождения крепостных. Но в большинстве Литва была настроена враж-

дебно по отношению к русской армии. Русские офицеры и генералы чувствовали себя здесь на чужой земле. И если, быть может, Наполеон мог сомневаться в том, насколько единодушно его поддержит население Литвы, он мог быть совершенно уверен в том, что это население явно не будет враждебно.

По этому поводу генерал-лейтенант Эссен I*** прислал военному министру 2 (14) февраля 1812 г. донесение из Слонима, где он очень четко обрисовал настроения, царившие на территории западных провинций Российской империи: «...помещики, имеющие состояния, не желают войны, менее же достаточные и наипаче называемые мелкой шляхтой, совсем противнаго расположения, а вообще желают восстановления польскаго края и народа. Для того наверно полагать можно, что все оказанные здешнему краю Его Императорским Величеством (*Александром I*) милости забыты будут, коль скоро иным государем обещано им будет восстановление Польши; большая часть всем жертвовать готова, только б лишь до того достигнуть»²².

Почти то же самое доносил 9 (21) февраля 1812 г. военному министру и командир Второго корпуса генерал-лейтенант Багговут: «Богатые помещики и другого звания люди, достигшие почтенных лет кажутся к нам преданными, но напротив молодые по своему легкомыслию желают и надеются на перемены. Пока мы будем вести войну за границей, то от поляков нашего края нельзя ожидать вредных следствий; если же война будет в наших пределах, в это время, можно полагать, неприятель от них получит не малые преращения войску...»²³.

Почти в это же время литовско – гродненский гражданский губернатор В. С. Ланской писал: «Безошибочно можно сказать, что здесь под пеплом кроется огонь, который, при первом благоприятном случае готов вспыхнуть»²⁴, а полицейский инспектор барон Розен докладывал 7(19) сентября 1811 года министру полиции Балашову из Вильно: «Как верный подданный я могу под присягою уверить, что, во время пребывания моего в Литве, я везде находил поляков недоброжелательствующими России, и они теперь более, нежели когда-нибудь, надеются на восстановление Польского королевства»²⁵. Наконец действительный статский советник Кржижановский, командированный в западные провинции Российской империи, писал тому же Балашову, что «поветы вилейский, речицкий, слуцкий, мозырский и пинский поголовно были неблагонадёжны и готовы были поднять оружие против России»²⁶.

Таким образом, речь шла не об авантюрном походе в неизведанные заснеженные просторы, кишасие партизанами, а о пограничном сражении, с подавляющим превосходством сил на территории, где ожидалось встретить самый дружественный приём и получить поддержку, и уж точно не встретить никакого сопротивления. Именно поэтому хорошо информированный Меттерних не сомневался в исходе войны Наполеона с Россией. Вспомним его фразу, которая была приведена в предыдущей главе: «По моему мнению, Польша является гарантией будущей победы Франции в войне с Россией».

Интересно, что в это же время князь Адам Чарторыйский написал почти то же самое одному из своих друзей, объясняя, почему он вынужден покинуть Польшу и не присоединиться к числу тех, кто собирался сражаться за ее возрождение: «Разве одни глупцы не видят, что все возможные вероятности обещают победу гению победы, напротив все несчастья должны обрушиться на Александра. Благородно ли, справедливо ли будет, чтобы в этих несчастьях душа его удручилась еще зрелищем неизвинительной благодарности со стороны человека, который ему столько обязан?»²⁷. Таким образом, если Чарторыйский оставался в стороне от борьбы, то лишь из жалости к Александру I, которого он уже считал, без всякого сомнения, обреченным.

Отметим ещё раз, что обе фразы взяты из документов написанных накануне похода и четко отражают настроения подавляющего большинства знающих свое дело европейских политиков. Ясно, что если бы Александр I дал сражение на границе, то война, скорее всего и развивалась бы, как предполагал Меттерних и, как видимо, считал Чарторыйский. Можно не сомневаться, что после ее окончания в воспоминаниях политиков и военных рассказывалось бы, как все они даже и секунду не сомневались в успехе похода Наполеона. Более того, не было бы, наверное, генерала Великой Армии, который не написал бы в своих мемуарах о том, что именно он подал императору эту ценную и мудрую идею разгромить, наконец, войска Александра, восстановить Польшу, поставив тем самым преграду на пути вражеской империи.

Кстати, о мемуарах и о Меттернихе. Его воспоминания были написаны если не по свежим следам событий, то по крайней мере, человеком, в руках которого находились документы, записки и письма той эпохи, и поэтому, если мемуарам известного политика и нельзя доверять буквально, как нельзя доверять вообще никаким мемуарам, отдельные пассажи из них все-таки заслуживают внимания.

Вот, что пишет австрийский министр о беседах с императором накануне войны 1812 г.: «Наполеон лелеял большие иллюзии. Самым главным из его ложных расчетов было то, что русский император либо не осмелится предпринять борьбы с Францией, либо будет вынужден закончить ее тотчас же после первых побед Великой Армии, в которых Наполеон не сомневался... Наполеон был убежден, что русская армия будет его атаковать. Что касается меня, я был уверен, что император Александр не перейдет границы, будет ждать атаки французской армии и сумеет ее расстроить, отступая перед ней. Я выразил эту точку зрения, но Наполеон отверг ее, говоря о том, что он досконально знает способ действия Александра»²⁸.

Разумеется, уверенность Меттерниха в том, что «Александр не перейдет границы» и что русская армия будет отступать, появилась, скорее всего, задним числом. Что же касается планов императора в передаче австрийского министра, они полностью совпадают с тем, что можно заключить на основе документов, написанных накануне кампании. Именно поэтому мы позволим себе привести еще одну выдержку из мемуаров Меттерниха, в которой он сообщает о том, как изменились проекты Наполеона, когда он понял, что скорее всего русские не перейдут в наступление: «Когда он (*Наполеон*) узнал от передовых войск своей армии, собранных в герцогстве Варшавском... что он должен отказаться от надежды быть атакованным царем, он изложил мне план кампании, на котором он остановился. Он рассказал мне о нем в следующих словах...: “Мое предприятие из числа тех, где только терпением можно добиться результата. Победа будет принадлежать тому, кто окажется более выносливым. Я начну кампанию переходом через Неман, а завершу ее в Смоленске и Минске. Именно там я остановлюсь. Я укреплю эти города и займу Вильно, где будет находиться генеральная квартира будущей зимой. Я займусь организацией Литвы, которая жаждет освободиться от гнета России. Увидим, кому из нас надоест первому: мне, армии которого будет жить за счет России, или Александру, который будет кормить мою армию за счет своей страны. Возможно, лично я в момент самых сильных зимних холодов вернусь в Париж»²⁹.

Конкретные рубежи, на которые должна была выйти Великая Армия, возможно, не слишком точно переданы Меттернихом – остановиться в Минске или в Смоленске – это не одно и то же. Однако общий принцип совершенно очевиден – после разгрома главных сил русской армии занять территорию бывшей Речи Посполитой и в случае упорства Александра,

не желающего заключить мир, дожидаться, пока он не выдержит и не будет вынужден пойти на мировую.

Если мы привели фразы австрийского политика, почерпнутые из его мемуаров, то только потому, что они точно соответствуют тому, что вырисовывается на основе документов составленных накануне войны.

Вот, в частности, документ, который был послан из Варшавы буквально за несколько дней до войны, 30 мая (11 июня) 1812 г. русским разведчиком, имя которого, нам неизвестно, но который без сомнения вращался в самых высших сферах польско-французского командования. Автор документа писал: «можно заключить с уверенностью, что Наполеон не намеревается перенести войну в Россию (*автор имеет ввиду исконно русские земли*), он понимает всю опасность такого предприятия, которое к тому же слишком далеко от его замысла закончить войну как можно скорее. Единственная цель, которую он ставит перед собой в это момент, – это разрушить бессмертное творение Екатерины Великой, возродив Польшу, чтобы противопоставить нам этот барьер. Оттеснив нас за Двину и Днепр, он будет деспотически править всей Европой, которую мы не сможем более эффективно защитить»³⁰.

Неизвестный агент, переживавший за то, что Россия возможно более не сможет «эффективно защитить» Европу, блистательно резюмировал стратегическую задачу, которую ставил перед собой Наполеон накануне войны 1812 г. Как совершенно точно указывает автор доклада, Наполеон не собирался двигаться на исконно русские земли, а уж тем более идти на Москву. Его задача была «разрушить бессмертное творение Екатерины Великой», т.е. освободить земли бывшей Речи Посполитой и создать государство, которое стало бы стражем для его европейской империи на востоке. Вспомним речь, произнесенную генеральным комиссаром западной Пруссии де Буанем, в которой он указал границы империи, простирающиеся от Тахо до Двины и Днепра.

Нечего и говорить, что ни о каком походе на Индию, слухи о котором можно найти во многих мемуарах, в частности в воспоминаниях Вильмена, не идет речь ни в одном из официальных документов, посвященных подготовке войны с Россией. Об этом походе очень любят рассуждать историки, черпающие свою информацию на основе слухов и выдумок. К тому же, все это очень хорошо согласуется с безумными идеями о мировом господстве. Совершенно невообразимо, что если бы Наполеон, готовясь к войне с Россией, хоть каким-то образом предполагал продолжить ее, подобно Александру Македонскому переходом через Гималаи, это бы

нашло хоть какое-то отражение в рабочей корреспонденции, приказах начальнику штаба, военному министру или маршалу Даву, людям, которым император доверял все свои секреты. Вспомнить хотя бы обсуждение с Даву возможности внезапного нападения на Пруссию. Не исключено, конечно, что в каких-то частных разговорах император мог вспоминать о своем проекте, который он предлагал еще Павлу I. Возможно также, что в случае успешного исхода столкновения с Россией Наполеон мог предполагать после заключения мира действительно организовать поход какого-нибудь корпуса с целью выбить англичан из Индии. Но это никоим образом не относилось к подготовке и планам войны на 1812 г., которые стали вполне конкретные цели задачи, вполне понятные и вполне достижимые.

Политико-стратегический план войны предопределял и выбор конкретных средств. В связи с тем, что предполагалась не война с целью уничтожения российского государства, а военная операция, хотя и с широкомасштабными, но все-таки вполне конкретными целями, методы решения предполагались чисто военные. Ни к каким методам тотальной войны Наполеон с самого начала решил не прибегать. Все его приказы говорят только о чисто военной подготовке. Император с самого начала отказался от идеи объявить свободу крепостным России, к чему призвал его в своей записке д'Обюссон де ла Фейяд.

В отношении же Польши он занял умеренную позицию. Да, отныне он решился на восстановление большого польского государства, но он не желал заранее связывать себя какими-то конкретными обязательствами, для того, чтобы оставить за собой свободу манёвра на переговорах, которые должны были состояться после его победы. Он вовсе не исключал уступок в польском вопросе, дабы легче достигнуть компромисса с российским руководством.

Таким образом, план Наполеона накануне войны с Россией можно резюмировать следующим образом: предполагая вероятность того, что русские войска будут наступать, император принял решение остановить их на рубеже Вислы и разгромить фланговым ударом. Однако вследствие того, что ни в апреле ни в мае 1812 г. русская армия не перешла в наступление, а войска Наполеона уже сконцентрировались на рубеже Вислы, французский полководец принимает решение самому перейти в наступление. Он был уверен, что сразу вслед за переходом Немана последует решающая битва, после победы, в которой его войска займут территорию бывшей Речи Посполитой, отошедшую к России по разделам конца XVIII века. Наполеон предполагал, что не исключена возможность, что разгром

противника в генеральном сражении не даст ему сразу окончательной победы. Тогда, видимо, предполагалось находиться на занятой территории бывшей Польши до тех пор, пока Александр не пойдет на мир.

Несмотря на то, что император мобилизовал небывалые еще в истории военные силы, никакой идеологической обработки в преддверии конфликта и отдаленно не проводилось. Ничего общего с современностью, когда могучие державы стирают в порошок противника с помощью средств массовой информации еще до того, как заговорит оружие. Всю энергию Наполеон сосредоточил на одном – собрать огромную армию и разгромить войска Александра в короткой чисто военной операции.

---

¹Pradt D.-G.-F. *de Fourn de. Histoire de l'ambassade dans le Grand-Duché de Varsovie en 1812.* P., 1815. P. 1.

²Ibid. P. 16.

³Villemain A.-F. *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature.* P., 1853-1855. T. 1. P. 165, 175-176.

⁴Ibid. P. 173, 167-168.

⁵Ibid. P. 187.

⁶Vandal A. *Napoléon et Alexandre Ier.* P., 1897. T. 3. P. 430.

⁷Ségur, *general comte de. La campagne de Russie.* Geneve, 1972. P. 12.

⁸ЦГВИА Ф 846. Оп. 16. Д. 3616.

⁹AF IV 1699/8.

¹⁰Correspondance de Napoléon. P., 1858-1870. T. 22. P. 17.

¹¹Ibid. T. 23. P. 344.

¹²Ibid. P. 299.

¹³Ibid. P. 279.

¹⁴Ibid. P. 314.

¹⁵Ibid. P. 317-319.

¹⁶Ibid. P. 335.

¹⁷Ibid. P. 335-336.

¹⁸Ibid. P. 435.

¹⁹Ibid. P. 470-471.

²⁰Богданович М. *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам.* СПб, 1859. С. 107.

²¹Correspondance... T. 23. P. 143.

²²Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. В 21 т. СПб, 1900-1914. Т. 9. С. 4.

²³Там же. С. 128.

²⁴Цит. по: Дубровин Н. Ф. *Русская жизнь в начале XIX века.* М., 2007. С. 441.

²⁵Там же. С. 520.

²⁶Там же. С. 521.

²⁷Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 554.

²⁸*Metternich C.W.L., prince de.* Mémoires, documents et écrits divers. P., 1880-1884. Т. 1. P. 113, 121–122.

²⁹*Ibid.* P. 122.

³⁰Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба... Т. 12. С. 287–288.

*Вероятно, речь идёт о континентальной блокаде.

**Миллье (millier) – старинная французская мера веса, около 0,5 тонны.

***Ген.-лейт. Эссен И. Н. в начале 1812 года командовал т. наз. Обсервационным корпусом, позднее ставшим 6-м пех. корпусом и временно до прибытия Бакляя де Толли всей 1-й Зап. Армией.